

Формула
предательства

Мунира Вагина

18+

Мунира Вагина

Формула предательства

<https://litres.ru/74449568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лера привыкла спасать других: пациентов, отца, брак, который всё заметнее трещит по швам. Но однажды она узнаёт, что её муж Константин изменяет ей с Полиной, её лучшей подругой, которой Лера доверяла самые сокровенные мысли.

Предательство рушит прежнюю жизнь, но именно в этот момент научная разработка Леры начинает давать поразительные результаты. Рядом появляется Максим, тот кто видит в ней не чью-то жену и не удобную дочь, а сильного врача и женщину, способную выбирать самой.

Внезапно тяжело заболевает Полина. Стандартное лечение почти не помогает. Единственный шанс может дать препарат Леры.

Сможет ли она спасти женщину, которая отняла у неё мужа? И где проходит граница между прощением, профессиональным долгом и правом наконец выбрать собственную жизнь?

«Формула предательства» — психологический роман об измене, цене доверия, женской силе и любви, которая начинается не со спасения, а со свободы.

Содержание

Глава 1. Первый год брака	4
Глава 2. Лаборатория	20
Глава 3. Подруга	35
Глава 4. Болезнь отца	47
Глава 5. Решение	65
Глава 6. Первый результат	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Мунира Вагина

Формула предательства

Глава 1. Первый год брака

Лера проснулась за несколько минут до будильника и какое-то время лежала неподвижно, глядя в сероватый потолок. За окном только начинало светать. Сентябрьское утро было холодным, и стекло на кухонной двери балкона покрылось тонкой испариной. Рядом спал Константин, отвернувшись к стене и подтянув одеяло почти до плеч. Когда-то Лере нравилось просыпаться раньше него и смотреть, как он спит. Теперь она чаще думала о том, сколько осталось до зарплаты.

На тумбочке лежал телефон. Лера взяла его осторожно, чтобы не разбудить мужа. В банковском приложении было чуть меньше девяти тысяч. До конца месяца — двенадцать дней. Нужно было заплатить за интернет, купить продукты, отдать деньги за анализы отца и хотя бы частично закрыть кредитную карту, которой они пользовались чаще, чем договаривались сами с собой.

Она перевела взгляд на Константина. Год назад, перед свадьбой, им казалось, что самое трудное уже позади. Они долго снимали комнаты, собирали на нормальную квартиру, спорили из-за мебели и смеялись над тем, что у них нет оди-

наковых чашек. После свадьбы всё должно было стать правильным: общий дом, общие планы, отпуск у моря, дети когда-нибудь потом. Но общий дом оказался однокомнатной квартирой на окраине, отпуск перенесли второй раз, а разговоры о будущем всё чаще начинались со слов «когда будут деньги». Будильник зазвонил в семь. Константин протянул руку, вслепую нашёл телефон и выключил звук.

— Уже? — спросил он хрипло.

— Уже.

Он сел на кровати, провёл ладонью по лицу и посмотрел на неё. В утреннем полумраке он всё ещё казался тем мужчиной, в которого она влюбилась: высокий, чуть небритый, с тёмными волосами, падавшими на лоб, и привычной складкой между бровей, которая появлялась, когда он о чём-то думал.

— Кофе есть?

— Есть.

— А молоко?

— Тоже.

— Значит, мы богаты.

Он улыбнулся, и Лера улыбнулась в ответ. Такие минуты ещё оставались между ними — короткие, почти прежние. Иногда ей казалось, что достаточно хорошего утра, удачного дня или просто одного спокойного вечера, чтобы всё снова стало как раньше.

На кухне она включила чайник и достала из холодильника

пачку молока. Там лежали два яйца, кусок сыра, половина лимона и контейнер с супом, который она сварила позавчера. Константин вошёл босиком, в футболке и домашних брюках, открыл холодильник и несколько секунд молча изучал его содержимое.

— Лер, мы опять ничего не купили?

— Вчера я пришла поздно.

— Я тоже.

— Сегодня заеду.

— На что?

Она поставила чашку на стол чуть громче, чем хотела.

— На деньги.

— Очень смешно.

— А что ты хочешь услышать?

Константин закрыл холодильник.

— Ничего. Просто спрашиваю.

Лера знала этот тон. Он означал, что разговор ещё не начался, но уже испорчен.

— Мне сегодня нужно к папе, — сказала она, наливая кофе. — У него опять плохие анализы.

Константин сел за стол.

— После работы?

— Да.

— Конечно.

Лера посмотрела на него.

— Что значит «конечно»?

— Ничего.

— Костя.

Он вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Это значит, что ты после работы опять поедешь в лабораторию. Вернёшься в десять. Поужинаешь на ходу. Упадёшь спать. Завтра всё повторится.

— Папе плохо.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— Проблема в том, что у нас тоже есть жизнь.

Она замолчала. Такие разговоры происходили всё чаще, и каждый раз Лера чувствовала себя виноватой независимо от того, что отвечала. Если соглашалась с ним — предавала отца. Если защищала отца — будто бы выбирала его вместо мужа.

— Это временно, — сказала она.

— Ты говоришь это с весны.

— Потому что это правда.

— Лера, твоему отцу шестьдесят три, он болеет, и я понимаю, что ты хочешь помочь. Но у него лаборатория, сотрудники, врачи. Почему именно ты должна там жить?

— Я там не живу.

Константин посмотрел на неё так, что она пожалела о своей фразе.

— Отлично. Значит, я всё придумал.

— Я не это сказала.

— А что ты сказала?

Она отвернулась к окну. Во дворе медленно выезжал мусоровоз. Женщина в красном пальто тянула за руку сонного ребёнка. Чужая обычная жизнь вдруг показалась Лере удивительно спокойной.

— Мне нужно помочь ему закончить серию опытов, — сказала она мягче. — Мы получили странный результат. Возможно, важный.

Константин помолчал.

— Опять лекарство?

— Не «опять». Мы исследуем противовоспалительные соединения.

— Я помню.

— Тогда зачем говоришь так, будто мы играем в химический набор?

Он улыбнулся уголком рта.

— Потому что твой отец уже двадцать лет что-то исследует, а денег от этого всё равно нет.

Лера почувствовала, как внутри мгновенно стало холодно.

— Не всё делается ради денег.

— Вот именно поэтому у нас их и нет.

Константин помолчал, потом сказал уже тише:

— Я не делю сейчас на твоё и моё. Мы семья. Если сегодня я тяну больше бытовых расходов, пока ты почти бесплатно работаешь у отца, значит, это наш общий выбор.

— И что?

— Ничего. Просто когда-нибудь у этой работы появится результат. Тогда он тоже будет частью нашей общей жизни.

Он сказал это без злости, почти устало, и от этого было больнее. Лера поставила перед ним чашку.

— Ты же знал, на ком женишься.

— Знал. Я женился на враче. А не на бесплатном ассистенте твоего отца.

— Я не бесплатный ассистент.

— Правда? И сколько он тебе платит?

Она промолчала. Константин опустил взгляд в чашку. Через секунду его лицо смягчилось.

— Лер, я не хочу ругаться с утра.

— Я тоже.

— Просто я устал.

— Я тоже устала.

— Вот видишь.

Он протянул руку через стол и накрыл её пальцы ладонью. Этот жест был таким знакомым, что Лера почти сразу перестала сердиться. В этом и заключалась странность их последних месяцев: они умели ранить друг друга быстрее, чем раньше, но всё ещё помнили, как мириться.

— Давай вечером поужинаем вместе, — сказал он. — Нормально. Не в десять, не на бегу.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Приезжай.

— Хорошо.

Он сжал её руку.

— Я соскучился.

От этих двух слов она почувствовала вину сильнее, чем от всего разговора. На работу Лера ехала в метро. Она стояла у двери вагона, держась за холодный поручень, и перечитывала сообщение от отца: «Не приезжай рано. У меня утром врач. Потом посмотрим вчерашние образцы». Следом пришло другое сообщение — от Полины. «Ты жива? Или семейная жизнь окончательно тебя съела?» Лера невольно улыбнулась. «Жива. Почти». Ответ появился через несколько секунд. «Кофе вечером?» Лера написала: «Сегодня к папе. Потом домой. Костя опять недоволен». Полина прислала грустный смайлик и почти сразу: «Расскажешь. Только не накручивай себя. Первый год брака у всех как испытательный срок».

Лера убрала телефон в сумку. Полина умела превращать тревогу в шутку. Они познакомились ещё на первом курсе и с тех пор пережили вместе столько чужих романов, экзаменов, бессонных ночей, переездов и расставаний, что Лере иногда казалось: если в мире и есть человек, которому можно рассказать абсолютно всё, то это Полина. Даже о Константине она рассказывала ей больше, чем следовало.

В клинике день оказался тяжёлым. Один пациент опоздал почти на час и требовал принять его без очереди. У другой женщины анализы были хуже предыдущих, и Лере пришлось

долго объяснять, почему нельзя снова откладывать обследование. К обеду она поняла, что не ела ничего с утра, кроме половины бутерброда. В два часа позвонил отец.

— Ты занята?

— Немного. Что случилось?

— Ничего. Когда сможешь приехать?

Лера сразу насторожилась. Николай Иванович никогда не звонил, чтобы просто спросить время.

— После шести. Пап, тебе хуже?

— Мне шестьдесят три. Мне по определению не лучше.

— Очень смешно.

— Вот и я так думаю.

— Что сказал врач?

Пауза длилась чуть дольше обычного.

— Ничего нового.

— Пап.

— Лера, работай. Вечером поговорим.

Связь оборвалась. Она ещё несколько секунд смотрела на экран телефона. Потом открыла переписку с Константином и написала: «Постараюсь быть к восьми». Ответа долго не было. Только через сорок минут пришло короткое: «Ок». Лаборатория находилась в старом трёхэтажном здании бывшего научно-исследовательского института. Коридоры здесь пахли спиртом, пылью и чем-то металлическим. Лера любила этот запах с детства. Когда ей было десять, отец впервые привёл её сюда в воскресенье и разрешил смотреть в микро-

скоп. Тогда она решила, что станет врачом. Николай Иванович потом много лет утверждал, что это было его самое дорогое воскресенье: медицинский институт обошёлся семье слишком недёшево.

Отец сидел у компьютера в своём кабинете. На столе стояла чашка давно остывшего чая, рядом лежали распечатки анализов.

— Покажи, — сказала Лера вместо приветствия.

— Здравствуй, дочь.

— Здравствуй. Покажи.

Он вздохнул и протянул бумаги. Лера быстро просмотрела показатели.

— Почему ты сказал «ничего нового»?

— Потому что ничего нового. Они плохие давно.

— Но не настолько.

— Лера.

— Что врач предлагает?

— Сменить схему.

— И?

— И я подумаю.

Она положила листы на стол.

— Ты не будешь думать. Ты будешь делать то, что сказал врач.

Николай Иванович усмехнулся.

— Вот почему нельзя растить детей-врачей. Сначала они не слушаются родителей, потом родители обязаны слушать-

ся их.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он выглядел старше, чем ещё несколько месяцев назад. Лицо осунулось, кожа стала почти прозрачной, а пальцы, которыми он поправлял очки, слегка дрожали. Лера старалась не замечать этого дрожания. Ей казалось, если она однажды признает, насколько отец болен, что-то внутри неё необратимо изменится.

— Ты меня поэтому позвал?

— Нет.

Николай Иванович развернул монитор.

— Посмотри на вчерашнюю серию.

На экране были таблицы с результатами. Лера придвинула стул.

— Я уже смотрела.

— Посмотри ещё раз.

Она пробежала глазами цифры. Один столбец выбивался из общего ряда настолько заметно, что его трудно было принять за обычное колебание.

— Повторяли?

— Дважды.

— И?

— Почти то же самое.

Лера почувствовала, как усталость куда-то исчезает.

— Это не может быть.

— Очень научный вывод.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она наклонилась ближе к экрану.

— Если здесь нет ошибки, эффект сильнее, чем у контрольного соединения.

— Я умею читать цифры.

— Насколько сильнее?

— Сама посчитай.

Лера быстро открыла калькулятор. Через минуту она откинулась на спинку стула.

— Почти вдвое.

Николай Иванович кивнул.

— Поэтому я и позвонил.

Лера снова посмотрела на данные.

— Может быть ошибка подготовки образца.

— Может.

— Или загрязнение.

— Может.

— Или проблема с измерением.

— Именно поэтому завтра повторяем всё с нуля.

Он говорил спокойно, но Лера слишком хорошо знала отца. Чем важнее был результат, тем суше становился его голос.

— Ты думаешь, это серьёзно?

— Я думаю, что учёный не имеет права думать, что от-

крыл что-то серьёзное, пока не доказал, что не ошибся.

— Это не ответ.

— Это единственно правильный ответ.

Лера улыбнулась.

— Значит, думаешь.

— Иди домой.

Она посмотрела на часы и вздрогнула. Было почти девять.

— Чёрт.

— Муж?

— Обещала быть к восьми.

— Тогда точно иди.

Она быстро собрала сумку.

— Завтра утром позвони врачу.

— Лера.

— Позвони.

— Хорошо.

— И не ври мне.

Николай Иванович поднял руки.

— Иногда мне кажется, что ты моя мать.

— А мне иногда кажется, что ты ребёнок.

Уже в дверях она обернулась.

— Пап.

— Что?

— Если это подтвердится...

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Сначала подтвердится. Потом будем мечтать.

Домой Лера приехала в половине десятого. В квартире было темно, кроме кухни. Константин сидел за столом с ноутбуком. Перед ним стояла пустая тарелка.

— Прости, — сказала она с порога.

Он не ответил. Лера сняла пальто, прошла на кухню и увидела коробку из доставки.

— Ты заказал еду?

— Да.

— Я же сказала, что постараюсь.

Константин закрыл ноутбук.

— Именно. Постараешься.

— Там получилось важное исследование.

— Конечно.

— Почему ты опять так говоришь?

— Как?

— Будто всё, что происходит у папы, заранее ерунда.

Константин посмотрел на неё несколько секунд, потом устало потёр лицо.

— Лер, я просто хотел один вечер провести с женой.

Она села напротив.

— Я понимаю.

— Нет. Если бы понимала, ты бы позвонила.

Лера открыла рот и сразу закрыла. Он был прав. Она действительно могла позвонить.

— Прости.

— Ты всё время извиняешься.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Не знаю.

Он встал, подошёл к окну и долго смотрел на тёмный двор.

— Иногда мне кажется, что мы поженились слишком рано.

Лера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Ты жалеешь?

Константин обернулся.

— Я этого не сказал.

— Но подумал.

— Я думаю, что представлял это иначе.

— Я тоже.

— Вот.

Он снова сел. Несколько секунд они молчали. Лера вдруг вспомнила день их свадьбы — жаркий июнь, дешёвое шампанское, Полину, которая плакала сильнее её матери, и Константина, шепнувшего во время первого танца: «Теперь всё будет по-настоящему». Тогда ей казалось, что настоящая жизнь начинается после слов «да». Теперь она понимала: после них просто начинается жизнь.

— Ты меня любишь? — спросила она.

Константин посмотрел на неё удивлённо.

— Что за вопрос?

— Обычный.

— Конечно люблю.

Ответ прозвучал быстро. Слишком быстро или именно так, как должен был прозвучать — Лера не поняла. Он протянул руку.

— Иди сюда.

Она пересела ближе. Константин обнял её и прижал к себе. Лера положила голову ему на плечо. От него пахло кофе и его привычным древесным парфюмом.

— Просто давай иногда жить для себя, — сказал он тихо.

— Давай.

— Без лаборатории. Без больницы. Без разговоров о деньгах.

— Хорошо.

— Может, в субботу куда-нибудь поедем?

— Куда?

— Не знаю. Хоть за город.

— Договорились.

Он поцеловал её в волосы.

— Вот видишь. Мы ещё нормальные люди.

Лера рассмеялась.

— Иногда.

Напряжение немного отступило. Она рассказала ему о результатах опыта — уже осторожнее, без подробностей. Константин слушал, хотя Лера видела, что половины терминов он не понимает.

— И если всё подтвердится, что это значит? — спросил он.

— Пока ничего. Нужны повторные исследования. Потом ещё много всего.

— Но теоретически?

— Теоретически — может оказаться интересное противовоспалительное соединение.

— Лекарство?

— До лекарства очень далеко.

Константин помолчал, потом улыбнулся.

— Ну хорошо. Твой отец ищет лекарство от воспаления, а нам бы кто-нибудь придумал лекарство от бедности.

Лера фыркнула.

— Дурак.

— Зато практичный.

Он обнял её ещё крепче. И в тот вечер эта фраза действительно показалась ей смешной. Лера ещё не знала, что очень скоро деньги станут последним, о чём ей захочется думать. Она не знала, что человек, которому она рассказывала о своём браке всё, уже стоит слишком близко к её мужу. И не знала, что несколько цифр на экране старого лабораторного компьютера однажды изменят жизнь каждого из них.

Глава 2. Лаборатория

На следующий день Лера приехала в лабораторию раньше отца. Утро было сырым, серым и каким-то невыспавшимся: редкие машины шуршали по мокрому асфальту, дворники сгребали к бордюрам листья, а в коридорах старого института ещё не успели включить весь свет. Лера поднялась на третий этаж, сняла пальто и, не заходя в кабинет, сразу пошла в лабораторную комнату.

Вчерашние цифры не давали ей покоя. Она проснулась с ними, ехала с ними в метро, мысленно пересчитывала их, пока покупала кофе в автомате. Почти двукратная разница с контрольной группой выглядела слишком хорошо. Настолько хорошо, что первой мыслью было не «мы нашли», а «где ошибка». Отец научил её этому ещё на втором курсе: красивый результат надо подозревать сильнее, чем плохой.

На столе всё лежало так, как они оставили вечером: журнал регистрации, подписанные пробирки, контейнеры, распечатки. Лера надела халат, убрала волосы под шапочку и открыла журнал. Она перечитала каждую запись — время, концентрации, маркировку, последовательность добавления реагентов. Никакого очевидного сбоя не было.

— Ищешь преступника? — раздался за спиной голос отца.

Лера обернулась. Николай Иванович стоял в дверях с бу-

мажным стаканчиком кофе. На нём был старый тёмно-синий свитер под халатом, а лицо казалось чуть бледнее обычного.

— Ищу ошибку.

— Это почти одно и то же.

— Ты рано.

— А ты ещё раньше.

Он поставил стакан на стол и подошёл к журналу.

— Спала?

— Нормально.

— Врёшь хуже, чем мать.

— Не начинай.

— Я и не начинал. Я констатирую.

Лера закрыла журнал.

— Повторим всё полностью. Новые растворы, новые образцы, другая партия реагента. И я хочу, чтобы измерения делал не тот же человек.

Отец посмотрел на неё с одобрением, которое попытался спрятать за привычной иронией.

— Наконец-то в нашей семье появился подозрительный человек.

— С тобой иначе нельзя.

— А с наукой — тем более.

Они начали почти молча. Лера любила эту часть работы — точную, спокойную, лишённую лишних слов. Здесь нельзя было убедить цифры, что ты прав. Нельзя было понравиться им или объяснить, что очень старалась. Результат ли-

бо повторялся, либо нет.

Она сама приготовила растворы, дважды проверила расчёты и попросила лаборантку Ирину поменять маркировку так, чтобы Лера не знала, где опытная серия, а где контрольная. Николай Иванович ничего не комментировал, только однажды заметил:

— Правильно. Чем меньше мы знаем во время измерения, тем меньше можем помочь себе увидеть то, что хотим увидеть.

К полудню всё было готово. Оставалось ждать. Лера вышла в маленькую комнату отдыха, где стояли старый холодильник, электрический чайник и стол, покрытый выцветшей клеёнкой. На окне сохла чья-то кружка. Она достала телефон и увидела два пропущенных от Константина. Она перезвонила.

— Ты где? — спросил он вместо приветствия.

— В лаборатории. А что?

— Ничего. Я просто звонил.

— У меня телефон был в шкафчике.

— Я понял.

В его голосе не было раздражения, но Лера уже научилась слышать паузы между словами.

— Ты вчера сердился? — спросила она.

— Вчера — да. Сегодня уже нет.

— Спасибо за великодушие.

— Не начинай, Лер.

— Я не начинаю.

На несколько секунд они замолчали.

— В субботу всё в силе? — спросил Константин.

— Да.

— Точно?

— Точно. Никакой лаборатории.

— Вот это я хотел услышать.

Он говорил уже теплее. Лера почувствовала облегчение

— маленькое, почти детское. Ей всё ещё было важно, чтобы между ними не оставалось ссор на ночь и недоговорённостей на следующий день.

— Ты завтракал? — спросила она.

— Ты сейчас серьёзно?

— Серьёзно.

— Да, мама.

— Очень смешно.

— Люблю тебя.

Фраза прозвучала неожиданно и просто.

— И я тебя.

После разговора Лера несколько секунд смотрела на погасший экран. Ей стало спокойнее. Вчерашняя тревога вдруг показалась преувеличенной. У них был трудный период — только и всего. Первый год брака. Денег мало. Отец болен. Она сама постоянно занята. Это не конец любви. Это просто жизнь, к которой они ещё не привыкли.

— Муж? — спросил Николай Иванович, появившись в

дверях.

— Да.

— Мир?

— Мир.

— Жаль. Я уже приготовился дать мудрый отцовский совет.

— Оставь на потом.

— С удовольствием. Хорошие советы особенно ценны, когда их не спрашивают.

Лера улыбнулась, но тут же заметила, что отец опёрся ладонью о дверной косяк.

— Ты чего?

— Ничего.

— Пап.

— Встал резко.

— Сядь.

— Не командуй.

— Сядь.

Он закатил глаза, но сел. Лера присела напротив.

— Давление мерил?

— Утром.

— И?

— Жить можно.

— Это не показатель.

— Для меня вполне.

Она хотела спросить ещё, но отец отвёл взгляд. Этот жест

она знала с детства. Когда Николай Иванович не хотел говорить о себе, он начинал рассматривать что угодно — окно, бумагу, выключатель, чужой ботинок. Лишь бы не собеседника.

— Врач звонил? — спросила Лера.

— Звонил.

— И что?

— Предлагает изменить схему лечения.

— Когда?

— С понедельника.

— Ты согласился?

— Я сказал, что подумаю.

Лера закрыла глаза.

— Ты вчера обещал.

— Я обещал позвонить. Позвонил.

— Иногда я тебя ненавижу.

— Очень полезное чувство. Держит родственников в тонусе.

Она хотела ответить резко, но увидела его улыбку и промолчала. В последнее время они всё чаще прятали страх за шутками. Так было проще обоим. К двум часам пришла Ирина и сказала, что первая серия готова к измерениям. Лера сразу вернулась в лабораторную комнату. Они работали втроём. Ирина заносила номера образцов, Лера следила за протоколом, Николай Иванович стоял чуть в стороне, не вмешиваясь.

Первые несколько значений были обычными. Лера почувствовала странное облегчение. Значит, вчерашний результат действительно мог быть ошибкой. Это было почти хорошо: ошибка не требовала менять жизнь. Потом появился первый провал в показателях воспалительного ответа. Лера нахмурилась.

— Следующий.

Ирина поставила новый образец. Ещё одно низкое значение.

— Следующий.

Третье. Лера перестала дышать свободно.

— Номера не перепутаны?

Ирина подняла глаза.

— Нет.

— Проверь.

— Проверила уже.

Николай Иванович подошёл ближе, но ничего не сказал. Когда серия закончилась, Лера потребовала снять кодировку. Ирина развернула лист. Низкие значения относились к тому же соединению, что и накануне. В комнате стало очень тихо.

— Ещё раз, — сказала Лера.

Отец кивнул.

— Ещё раз.

Они повторили измерение на резервных образцах. Эффект оказался чуть слабее вчерашнего, но всё равно слиш-

ком выраженным, чтобы его игнорировать. Лера села за компьютер и начала считать. Теперь она уже не доверяла себе и дважды перепроверила формулы. Потом вывела итоговую таблицу.

— Ну? — спросил отец.

— Подавление воспалительного ответа устойчивое. В этой серии — примерно на семьдесят процентов относительно контроля.

— А в сравнении с референсным соединением?

Лера нажала несколько клавиш.

— Почти в полтора раза сильнее.

Николай Иванович снял очки и протёр их краем халата.

— Побочных эффектов в модели пока не видим?

— Пока нет. Но это ничего не значит.

— Именно.

Ирина посмотрела на них.

— То есть это хорошо?

Лера и отец одновременно ответили:

— Пока не знаем.

Ирина засмеялась.

— Родственники.

Когда она вышла, Лера повернулась к отцу.

— Это уже второй независимый повтор.

— Да.

— Ты всё ещё считаешь, что это ошибка?

— Я считаю, что ошибка всегда возможна.

— Но?

Он посмотрел на экран.

— Но теперь я хочу понять, почему это работает.

Лера почувствовала, как по рукам прошёл холодок. Именно этой фразы она ждала. Не «мы открыли». Не «это лекарство». Всего лишь: «почему работает». От Николая Ивановича это звучало почти как признание.

— Значит, расширяем серию?

— Да. Проверяем зависимость от дозы. Отдельно токсичность. Потом механизм.

— И ещё одну независимую лабораторию.

Отец посмотрел на неё с короткой улыбкой.

— Торопишься, доктор Ширяева.

— Наоборот. Я не хочу, чтобы мы сами себя убедили.

— Вот теперь говоришь как исследователь.

Она хотела ответить шуткой, но не смогла. Эти слова задели её сильнее, чем она ожидала. Николай Иванович редко хвалил прямо. В детстве он считал пятёрку нормой, диплом — началом, а слова «молодец» употреблял примерно так же экономно, как дорогое лабораторное оборудование. Лера снова посмотрела на таблицу.

— Если подтвердится механизм...

— Не беги вперёд.

— Я просто думаю.

— Думать можно. Делать выводы рано.

— Хорошо.

Она помолчала.

— Но ты ведь тоже думаешь.

— Конечно.

— О чём?

Николай Иванович медленно надел очки.

— О том, что иногда природа годами показывает тебе дверь, а ты думаешь, что это стена.

Лера посмотрела на него. В его голосе впервые появилась не осторожность, а почти забытое возбуждение человека, который много лет ищет ответ и вдруг замечает, что ответ, возможно, всё это время был рядом.

— Эта комбинация ведь была у нас раньше? — спросила она.

— Отдельные компоненты — да.

— Почему никто не проверял именно так?

— Потому что в науке, как и в жизни, самые простые вопросы часто задают последними.

Лера открыла старые файлы. Некоторые данные уходили на несколько лет назад. Она нашла похожие серии, другие концентрации, неудачные попытки. По отдельности всё выглядело незначительно. Но теперь, когда был известен результат, старые цифры складывались в другое изображение.

— Смотри, — сказала она. — Здесь уже было снижение. Небольшое, но было.

Отец наклонился к экрану.

— Да.

— А здесь повысили концентрацию второго компонента и эффект исчез.

— Значит, дело может быть не в количестве, а в соотношении.

Лера быстро пролистала ещё несколько файлов.

— Вот. И здесь почти то же самое.

Теперь они говорили одновременно, перебивая друг друга. Лера строила таблицу, отец вспоминал старые протоколы, они спорили о механизме, снова возвращались к цифрам. В какой-то момент Лера поймала себя на том, что не думала ни о Константине, ни о деньгах, ни о том, сколько времени. Было только это чувство — редкое и почти физическое: хаос начинает превращаться в закономерность. Около шести она вышла в коридор позвонить мужу.

— Я задержусь, — сказала она сразу.

На том конце повисла тишина.

— Надолго?

— Не знаю. Часа на два.

— Лера.

— Я знаю, что обещала вчера. Но сегодня мы повторили опыт, и результат подтвердился.

— Я рад.

Он сказал это без радости.

— Костя, это действительно важно.

— Для тебя — да.

— Не только для меня.

— Хорошо.

— Не обижайся.

— Я не обижаюсь.

— Ты обижаешься.

— А что изменится, если я скажу, что да? Ты уйдёшь сейчас?

Лера молчала. Константин усмехнулся — тихо, без веселья.

— Вот видишь.

— Я буду дома к девяти.

— Не торопись.

Он отключился первым. Лера осталась стоять в пустом коридоре. Ещё вчера ей казалось, что они помирились. Сегодня всё снова было зыбким. Она чувствовала вину и одновременно раздражение: почему ей каждый раз приходилось выбирать между тем, что важно ей, и тем, что важно их браку? И почему это всегда выглядело так, будто виновата именно она?

Она открыла переписку с Полиной, набрала: «Мы опять поссорились», — и почти сразу стёрла. Не хотелось снова жаловаться. Хотя Полина была единственным человеком, которому Лера могла рассказать всё без предварительных объяснений. Телефон завибрировал. Сообщение пришло как будто в ответ на её мысль. Полина: «Как твой научный подвиг? Ты вчера так загадочно написала». Лера улыбнулась и ответила: «Похоже, результат повторился. Пока боюсь радовать-

ся». Полина: «Я за тебя порадуюсь. Ты умеешь только бояться заранее». Лера: «А ещё Костя злится, что я опять задерживаюсь». Ответ появился не сразу. Полина: «Он просто скучает. Не делай из этого трагедию. Ты ему нужна больше, чем он умеет нормально сказать».

Лера перечитала сообщение дважды. Ей стало чуть легче. Она не могла знать, что совсем скоро Полина будет понимать Константина гораздо лучше, чем лучшая подруга должна понимать чужого мужа. Когда Лера вернулась в лабораторную комнату, Николай Иванович сидел, прикрыв глаза. Перед ним лежали распечатки.

— Пап?

Он сразу открыл глаза.

— Не драматизируй. Просто устал.

— Едем домой.

— Сейчас.

— Сейчас — это сейчас.

— Ты стала невыносимой.

— Наследственность.

Он улыбнулся, но поднялся не сразу. Лера заметила это.

— Тебе больно?

— Терпимо.

— Где?

— Везде понемногу. Возраст экономит время.

— Это не смешно.

— А мне смешно.

Она подошла ближе и взяла его за запястье. Пульс был частым.

— Завтра ты начинаешь новую схему.

— Завтра суббота.

— В понедельник. И без «подумаю».

Отец посмотрел на неё внимательно.

— Договорились.

На этот раз его голос был серьёзным. Они выключили оборудование, закрыли журналы и вышли в коридор. Перед дверью Николай Иванович вдруг остановился.

— Лера.

— Что?

— Если результат подтвердится дальше, никому пока не говори лишнего.

— Я и не собиралась.

— Даже знакомым врачам. Даже друзьям.

Она нахмурилась.

— Почему?

— Потому что между интересным лабораторным эффектом и препаратом — годы работы. А между перспективной разработкой и людьми, которые захотят на ней заработать, иногда проходит гораздо меньше времени.

— Мы даже не знаем, работает ли это вне модели.

— Поэтому и молчим.

Лера кивнула.

— Хорошо.

Отец уже сделал шаг к лестнице, но она спросила:

— Ты правда считаешь, что там может быть что-то большое?

Николай Иванович задержался.

— Я считаю, что у нас появилось право проверить.

И пошёл дальше. Лера осталась на секунду у двери лаборатории. За ней, в выключенной комнате, стояли обычные пробирки, дешёвые пластиковые контейнеры, старый компьютер и оборудование, которое отец чинил дольше, чем следовало. Ничего не изменилось внешне. И всё же Лера впервые ясно почувствовала: что-то уже началось. Пока ещё без названия. Без патента. Без обещаний. Без денег. Только несколько повторившихся цифр и ощущение, что они случайно приоткрыли дверь, за которой может оказаться совсем другая жизнь.

Глава 3. Подруга

Утром Лера проснулась с ощущением, что вчерашний разговор с отцом ей приснился. Цифры на экране были слишком красивыми, чтобы им сразу поверить. Она ещё лежала в постели, а в голове уже перебирала возможные ошибки: неправильная концентрация, сбой измерения, случайное загрязнение, путаница в маркировке. Всё, что угодно, только не то, на что так хотелось надеяться.

Константин уже собирался на работу. Он стоял перед зеркалом в прихожей, застёгивая часы, и выглядел собранным, свежим, почти чужим после вчерашней ссоры и короткого примирения. Лера задержалась в дверях кухни, наблюдая за ним.

— Ты сегодня поздно? — спросила она.

— Не знаю. Встреча после шести.

— Какая?

Он посмотрел на неё через зеркало.

— Рабочая.

— Я не допрашиваю.

— Я и не сказал, что допрашиваешь.

Фраза прозвучала ровно, но между ними опять возникло то тонкое напряжение, которое в последние месяцы появлялось будто само собой. Лера уже научилась не трогать его руками: если начать выяснять, откуда оно взялось, станови-

лось только хуже.

— Я сегодня опять к папе, — сказала она.

Константин застегнул ремень часов и только потом ответил:

— Понял.

— Мы повторяем вчерашний опыт.

— Угу.

Лера улыбнулась без радости.

— Можешь хотя бы сделать вид, что тебе интересно.

Он обернулся.

— Мне интересно, Лер. Правда. Просто я ничего в этом не понимаю. Если ты скажешь, что у вас там революция, я поверю.

— Пока никакой революции.

— Вот и договорились.

Он подошёл, быстро поцеловал её в щёку и взял ключи.

— Не сердись.

— Я не сержусь.

— Конечно.

Дверь закрылась. Лера ещё несколько секунд стояла в прихожей и слушала, как лифт спускается вниз. Потом взяла телефон. На экране было сообщение от Полины: «Сегодня ты от меня не отвертись. Кофе. Семь вечера. Я уже решила за нас обеих».

Лера усмехнулась. Полина обладала редким талантом вторгаться в её жизнь так, что это почти никогда не раздра-

жало. Она не спрашивала, можно ли приехать, если Лера плакала. Не уточняла, хочет ли та говорить. Просто появлялась с кофе, вином или пирогом и через полчаса каким-то образом делала мир терпимее. «В семь не могу. После работы к папе». Ответ пришёл почти сразу: «Тогда в пять. Я подъеду к твоей клинике. Десять минут у тебя для меня найдутся». Лера написала: «Найдутся».

День в клинике тянулся медленно. Несколько раз Лера ловила себя на том, что смотрит на часы. Ей хотелось быстрее попасть в лабораторию и увидеть новые результаты, но вместе с этим рос странный страх. Пока открытие существовало только как возможность, оно принадлежало мечте. Стоило получить повторный отрицательный результат — и всё снова превращалось в обычную работу.

Полина появилась без пяти пять. Как всегда, заметная. На ней было длинное светлое пальто, высокие сапоги и тёмные очки, хотя солнца почти не было. В одной руке она держала два бумажных стакана кофе, в другой — маленький пакет из кондитерской.

— Я решила, что тебе нужен сахар, — сказала она вместо приветствия.

— Мне нужен отпуск.

— Это уже дороже. Пока булочка.

Они устроились у окна в небольшом кафе напротив клиники. Полина сняла очки и внимательно посмотрела на Леру.

— Ну?

— Что «ну»?

— У тебя лицо женщины, которая либо сделала открытие, либо узнала, что муж завёл вторую семью.

Лера невольно рассмеялась.

— Надеюсь, первое.

— Так. Начинаем с хорошего. Что произошло?

Лера рассказала о странном результате в лаборатории. Полина слушала честно, но через пару минут в её глазах появилась та вежливая сосредоточенность, с которой люди слушают разговор о вещах, в которых ничего не понимают.

— То есть вы можете придумать новое лекарство? — уточнила она наконец.

— Не «придумать». И до лекарства ещё очень далеко.

— Лера, я гуманитарный человек. Для меня между пробиркой и аптекой одна остановка.

— Именно поэтому тебе ничего нельзя объяснять.

— Но если всё получится, это большие деньги?

Лера пожала плечами.

— Я об этом вообще не думаю.

— Конечно не думаешь. Поэтому у тебя девять тысяч на карте и муж ходит с лицом финансового министра.

Лера подняла глаза.

— Я тебе говорила про девять тысяч?

— Ты мне говорила всё.

Это прозвучало легко, как шутка. Но Лера почему-то за-

держала на ней взгляд. Полина отломилла кусочек булочки.

— Что у вас опять?

— Ничего особенного.

— Если ты говоришь «ничего особенного», значит, минимум два скандала и один разговор про развод.

— Про развод не было.

— Уже неплохо.

Лера отпила кофе.

— Он злится, что я всё время у папы.

— А ты действительно всё время у папы.

— Спасибо за поддержку.

— Я на твоей стороне. Но это не значит, что я должна говорить только приятное.

Лера посмотрела в окно. Люди торопились к метро, прячаь от мелкого дождя.

— Он сказал, что представлял наш брак иначе.

Полина перестала улыбаться.

— Дословно?

— Почти.

— А ты?

— Что я?

— Ты его представляла именно так?

Лера помолчала.

— Нет.

— Вот видишь.

— Но я не бегу искать кого-то другого только потому, что

денег мало и мы устаём.

Полина опустила взгляд на кофе.

— Он тоже не обязательно бежит.

Лера чуть улыбнулась.

— С чего ты решила его защищать?

— Я не защищаю. Просто мужчины иногда странно переживают собственную несостоятельность. Особенно когда рядом женщина, которая занята чем-то большим, чем они сами.

— Ты сейчас его оскорбила или меня похвалила?

— И то и другое.

Они рассмеялись. На несколько минут тревога ушла. Полина рассказывала историю о знакомой, которая три месяца переписывалась с мужчиной, а потом выяснила, что он живёт в соседнем подъезде. Лера смеялась громче, чем было смешно, и благодарила её хотя бы за эту способность отвлекать. Потом телефон Полины, лежавший экраном вниз, коротко завибрировал. Она взглянула на него и почти сразу перевернула обратно.

— Кто? — машинально спросила Лера.

— Работа.

— У тебя теперь работа пишет тебе сердечками?

Полина на секунду застыла, затем рассмеялась и повернула экран к Лере. Там действительно было уведомление с эмодзи-сердцем от контакта «Аня салон».

— Видишь? Женщины любят меня больше мужчин.

— В это я верю.

Лера не заметила, что Полина после этого убрала телефон в сумку, хотя обычно оставляла его на столе.

— А Костя тебе вообще что-нибудь говорит? — спросила Полина немного позже.

— В каком смысле?

— Про вас. Про отношения.

— Мне? Иногда. Тебе-то с чего?

— Да просто. Он пару раз писал насчёт тебя. Спрашивал, как лучше с тобой говорить, когда ты злишься.

Лера удивлённо подняла брови.

— Когда это?

— Да давно. Ничего такого.

— И ты мне не рассказывала?

— А что рассказывать? «Привет, Лера, твой муж спросил, что тебе подарить после ссоры»?

— Он спрашивал про подарок?

Полина улыбнулась.

— Вот теперь тебе уже интересно.

— Поль.

— Да пару раз писал. Нормальные вопросы. Я думала, ты знаешь.

Лера действительно не знала. Но ничего тревожного в этом не увидела. Скорее наоборот: мысль о том, что Константин пытался понять её через Полину, неожиданно тронула.

— И что ты ему советовала?

— Не спорить с тобой на голодный желудок.

— Очень глубокий психологический совет.

— Бесплатный ещё хуже.

Лера посмотрела на часы.

— Мне пора.

Полина кивнула, но прежде чем они встали, неожиданно сказала:

— Лер, только не накручивай себя насчёт Кости.

— Я не накручиваю.

— Я серьёзно. Иногда люди в браке просто устают друг от друга. Это не значит, что они перестали любить.

— Очень обнадеживает.

— Я не так сказала.

— Да нормально. Я поняла.

Полина взяла её за руку.

— Если что-то случится, ты же знаешь: сначала звони мне.

Лера сжала её пальцы.

— Знаю.

В лаборатории Николай Иванович уже ждал её. На столе стояли новые образцы, подписанные от руки. Он выглядел уставшим, но в глазах было то редкое оживление, которое Лера помнила с детства.

— Опаздываешь, — сказал он.

— На двенадцать минут.

— Наука за это время могла уйти вперёд.

— Без тебя она бы не посмела.

Они работали почти три часа. Повторяли подготовку, перепроверяли маркировку, меняли последовательность действий. Лера настояла, чтобы одну часть образцов готовил другой лаборант, не знающий, где контроль, а где исследуемое соединение.

— Ты слишком недоверчивая, — заметил отец.

— Ты сам меня учил.

— Иногда я жалею, что так хорошо тебя учил.

Результаты появились после девяти. Лера сначала не поверила и попросила выгрузить данные ещё раз. Эффект сохранялся. Чуть слабее, чем в первой серии, но значительно сильнее контрольного вещества. Она долго смотрела на экран.

— Пап.

— Вижу.

— Это уже второй раз.

— Третий, если считать вчерашний повтор.

— Ты специально говоришь так спокойно?

Николай Иванович снял очки и протёр их салфеткой.

— Когда результат слишком нравится, надо стать вдвое спокойнее.

— А внутри?

Он посмотрел на неё и впервые за вечер улыбнулся настоящему.

— А внутри можешь немного сойти с ума.

Лера рассмеялась. Ей вдруг стало жарко. Она прошла по комнате, вернулась к монитору, снова посмотрела цифры, будто боялась, что они изменятся.

— Если механизм тот, который мы думаем...

— Мы пока ничего не думаем.

— Пап.

— Хорошо. Думаем. Но никому не говорим.

— Почему?

— Потому что надежда — плохой научный консультант. Он сел тяжело, медленнее обычного. Лера сразу заметила.

— Тебе плохо?

— Нет.

— Не ври.

— Устал.

— Давление мерил?

— Лера.

— Что?

— Мы сейчас обсуждаем работу.

— А я сейчас обсуждаю тебя.

Николай Иванович раздражённо вздохнул, но протянул руку за тонометром. Пока прибор накачивал манжету, Лера снова посмотрела на таблицу. В голове вдруг возникла мысль — ещё сырая, почти неприличная по своей смелости. Если это соединение действительно действует на тот воспалительный путь, который они предполагали, теоретически оно могло иметь значение и при заболевании отца. Она сразу

отогнала мысль. Слишком рано. Слишком опасно. Слишком мало данных.

— Ну? — спросил отец.

Лера посмотрела на экран тонометра.

— Высокое.

— Удивительно. Дочь три часа доводит меня до нервного срыва, а давление растёт.

— Завтра ты остаёшься дома.

— Завтра мы ставим следующую серию.

— Её поставлю я.

— Ты работаешь в клинике.

— Значит, после клиники.

Он хотел возразить, но вдруг закашлялся. Кашель был сухой, тяжёлый. Лера молча подала ему воду.

— Не смотри так, — сказал он, отдышавшись.

— Как?

— Будто я уже умер.

— Не говори глупости.

— Вот именно.

По дороге домой Лера написала Константину: «Мы подтвердили результат. Похоже, это действительно работает». Сообщение долго оставалось непрочитанным. Она уже вышла из метро, когда пришёл ответ: «Круто. Поздравляю». Два коротких слова.

Лера остановилась у светофора. Почему-то ей хотелось большего — вопроса, звонка, хотя бы «расскажи». Потом

она сама себя одёрнула. Константин не обязан понимать каждую цифру её жизни. Следом пришло сообщение от Полины: «Ну что, профессор, революция состоялась?» Лера улыбнулась и написала: «Пока маленькая». Полина ответила почти мгновенно: «Я знала. Ты у меня гений». Лера убрала телефон в карман и пошла домой под мелким дождём. В это же время в другом конце города экран телефона Полины снова загорелся. На этот раз сообщение было от Константина. «Она опять у отца?» Полина долго смотрела на короткую фразу. Потом набрала: «Да. У них сегодня важный день». Через минуту пришло: «Понятно».

Полина могла на этом остановиться. Вместо этого написала: «Не злись на неё. Она правда очень старается». Ответ появился не сразу. «Я и не злюсь. Просто иногда ощущение, что в её жизни для меня места меньше, чем для этой лаборатории». Полина перечитала сообщение дважды. Потом набрала: «Это не так». Стерла. Написала снова: «Ты просто устал». И отправила. Это был обычный разговор. Почти дружеский. В нём не было ни признаний, ни флирта, ни тайных обещаний.

Только одна маленькая вещь, которой ещё вчера между ними не существовало: теперь у Константина и Полины была тема, о которой они могли говорить без Леры. И никто из троих пока не понимал, насколько этого достаточно, чтобы однажды всё изменилось.

Глава 4. Болезнь отца

Лера заметила неладное ещё по звонку. Николай Иванович никогда не звонил ей среди рабочего дня дважды подряд. В первый раз она не смогла ответить — принимала пациентку, во второй телефон завибрировал на краю стола, когда женщина уже застёгивала пальто.

— Одну минуту, — сказала Лера и вышла в коридор.

На экране было имя отца. Она перезвонила сразу.

— Пап?

В трубке несколько секунд стояла тишина.

— Ты занята?

Голос звучал ровно, но слишком тихо.

— Что случилось?

— Ничего особенного.

— Папа.

— Не начинай.

Лера прислонилась плечом к стене. За дверью кабинета кто-то кашлянул, по коридору прошла медсестра с папкой, из регистратуры донёлся звонок телефона. Всё вокруг было обычным, и от этого тревога становилась только сильнее.

— Тебе хуже?

Николай Иванович не ответил сразу.

— Немного поднялась температура.

— Сколько?

— Тридцать восемь и две.

— Когда?

— С утра.

— Почему ты только сейчас говоришь?

— Потому что утром она была тридцать семь и пять.

— А давление?

— Нормальное.

— Пульс?

— Лера, я не студент на экзамене.

— Пульс?

Он назвал цифру. Она почувствовала, как холодеют пальцы.

— Ты один?

— Да.

— Я сейчас приеду.

— Не надо.

— Я не спрашивала.

— У тебя работа.

— У меня отец с температурой под сорок и тяжёлым воспалительным заболеванием.

— Под сорок — это когда сорок. У меня тридцать восемь и две.

— Прекрати торговаться за десятые доли.

Он вздохнул.

— Хорошо. Приезжай после работы.

— Через час буду.

— Лера...

Она уже отключилась. До конца смены оставалось почти три часа. Лера попросила коллегу забрать двух последних пациентов, быстро объяснила ситуацию заведующей и через двадцать минут уже спускалась в метро. Всё это время она убеждала себя, что не происходит ничего катастрофического. У отца бывали обострения, температура поднималась и раньше, воспалительные показатели скакали месяцами. Врач недавно говорил о смене терапии. Возможно, организм просто снова отреагировал на очередной виток болезни. Но внутренний голос повторял одно и то же: в этот раз иначе. Когда она вошла в квартиру отца, дверь была не заперта на верхний замок. Это уже было плохим знаком. Николай Иванович всегда запирал оба.

— Папа?

Ответа не было. Лера сняла обувь и почти бегом прошла в комнату. Отец лежал на диване под пледом. На тумбочке стояла кружка с водой, рядом — таблетки, которые он должен был принимать утром.

— Ты почему не отвечаешь?

Он открыл глаза.

— Потому что спал.

— Ты когда последний раз вставал?

— Полчаса назад.

— Врёшь.

— Как грубо разговаривает современная медицина с по-

жилыми людьми.

Лера села рядом и приложила ладонь к его лбу. Кожа была горячей и сухой.

— Градусник.

— На тумбочке.

Она измерила температуру. Тридцать восемь и семь.

— Вставай. Едем в больницу.

— Нет.

— Папа.

— Я сказал нет.

— Ты не в том состоянии, чтобы командовать.

— А ты не в том возрасте, чтобы распоряжаться мной без разрешения.

Лера посмотрела на него. Даже сейчас он умудрялся сохранять ту же упрямую насмешку во взгляде. Но лицо стало серым, губы сухими, дыхание чуть чаще обычного.

— Тогда давай без театра. Я осмотрю тебя, потом вызываем врача.

— Врач был вчера.

— И что он сказал?

— То же, что и всегда. Менять схему.

— Какую?

— Более тяжёлую.

— Почему ты мне не сказал?

— Потому что ты и так живёшь вокруг моей болезни.

— Это не ответ.

— Это именно ответ.

Лера откинула плед и помогла отцу сесть. Николай Иванович поморщился — едва заметно, но она увидела.

— Где болит?

— Везде понемногу. Нигде достаточно, чтобы дать тебе повод посадить меня в машину.

— Ты сейчас шутишь, потому что боишься?

— Нет. Потому что ты задаёшь глупые вопросы.

Она не стала спорить. Проверила давление, пульс, послушала дыхание. Потом ещё раз посмотрела результаты последних анализов, которые лежали на столе в папке. Цифры были хуже тех, что она видела несколько дней назад.

— Почему С-реактивный белок ещё вырос?

— Потому что болезнь умеет читать анализы и старается соответствовать.

— Папа.

Он наконец перестал улыбаться.

— Лера, я всё понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты опять делаешь вид, что это очередное обострение.

— А что это, по-твоему?

— Обострение, которое перестаёт нормально отвечать на терапию.

Николай Иванович отвёл взгляд к окну. Это молчание было хуже любого признания.

— Ты поэтому вчера так быстро свернул разговор? —

спросила она.

— Я не хотел обсуждать это по телефону.

— А сегодня хотел вообще ничего не обсуждать.

— Хотел дать тебе спокойно поработать.

— Спасибо. Теперь я работаю особенно спокойно.

Он устало закрыл глаза. Лера встала и прошлась по комнате. На книжной полке стояла фотография матери. Её не стало семь лет назад, и с тех пор отец жил один. Он никогда не жаловался, никогда не просил помощи и почти физически не выносил, когда кто-то пытался заботиться о нём дольше необходимого. Именно поэтому Лера так хорошо знала: если он признал, что ему плохо, значит, всё гораздо серьёзнее, чем он говорит.

— Я вызову Андрея Сергеевича, — сказала она.

— Не надо.

— Надо.

— Мы вчера всё обсудили.

— Я хочу услышать это сама.

— Ты не доверяешь моему пересказу?

— Не доверяю твоей склонности выкидывать из пересказа всё неприятное.

Отец хмыкнул.

— Это семейное.

Она набрала номер лечащего врача. Через сорок минут Андрей Сергеевич уже был у них. Он давно знал Николая Ивановича, говорил с ним без лишней деликатности и поз-

волял себе то, чего другие врачи избегали.

— Вы выглядите отвратительно, — сказал он, снимая пальто.

— Спасибо. Рад, что хотя бы один врач говорит пациенту правду.

— Я вчера говорил то же самое.

Лера посмотрела на обоих.

— Отлично. Значит, я последняя узнаю новости.

Андрей Сергеевич не улыбнулся. Он осмотрел отца, сравнил показатели и попросил Леру пройти с ним на кухню. Николай Иванович сразу возмутился:

— Если речь обо мне, говорите при мне.

— Николай Иванович, я хочу пять минут поговорить с вашей дочерью.

— Она врач. Она всё равно потом расскажет мне хуже, чем вы.

— Именно поэтому я сначала расскажу ей.

На кухне Андрей Сергеевич прикрыл дверь.

— Ситуация мне не нравится.

— Насколько?

— Динамика плохая. Нынешняя схема теряет эффективность. Я предложил госпитализацию и смену терапии ещё вчера.

— Почему он отказался?

Врач посмотрел в сторону комнаты.

— Потому что это ваш отец.

— Это не медицинский диагноз.

— Иногда очень точный.

Лера сжала пальцы.

— Насколько срочно?

— Если температура сохранится или показатели пойдут дальше вверх — госпитализация без вариантов. Но даже если сегодня ему станет легче, старую схему надо менять.

— На что?

Андрей Сергеевич назвал вариант терапии. Лера знала его и сразу поняла, почему отец сопротивляется.

— Побочные эффекты.

— Да.

— В его состоянии риск высокий.

— Риск есть. Но и выбора становится меньше.

Эти слова прозвучали спокойно, почти буднично. Врачи часто говорят так, когда за спокойствием нужно спрятать плохую новость.

— Насколько меньше? — спросила Лера.

— Я не люблю отвечать на этот вопрос, когда рядом родственники-медики. Вы начинаете переводить каждое слово в проценты.

— Переведите.

Андрей Сергеевич вздохнул.

— Если новая схема сработает, мы получим время. Если нет, дальше будет сложнее.

— Насколько сложнее?

— Лера.

— Я должна знать.

— Тогда знайте: болезнь стала агрессивнее. Мы пока говорим о контроле, а не о победе.

Она посмотрела на стол. На клеёнке лежала маленькая крошка хлеба. Почему-то именно её Лера запомнила особенно ясно.

— Есть что-то ещё?

— Только то, что он должен перестать работать по двенадцать часов в лаборатории.

— Это вы ему скажите.

— Говорил.

— И?

— Он спросил, можно ли заменить двенадцать часов на одиннадцать с половиной.

Лера невольно улыбнулась, но улыбка тут же исчезла.

— Спасибо, что приехали.

— Я бы его сегодня всё-таки положил.

— Я попробую убедить.

Андрей Сергеевич задержался ещё на несколько минут, потом уехал, оставив номер отделения и список того, что нужно собрать на случай госпитализации. Николай Иванович встретил Леру взглядом человека, который заранее знает итог разговора.

— Ну? Уже выбрали мне палату с видом на морг?

— Очень смешно.

— Андрей всегда драматизирует.

— Нет. Ты всегда минимизируешь.

Она села напротив него.

— Ты меняешь терапию.

— Посмотрим.

— Нет. Не посмотрим.

— Лера, ты сейчас дочь или врач?

Вопрос ударил неожиданно точно.

— И то и другое.

— Плохо. Эти роли плохо уживаются вместе.

— А у меня нет выбора.

— Есть. Дочь должна сидеть рядом и верить, что всё будет хорошо. Врач должен понимать, что иногда всё хорошо не будет.

Она отвернулась.

— Не говори так.

— Видишь? Сейчас ты дочь.

— А ты сейчас пациент, который доводит врача до бешенства.

Отец чуть улыбнулся.

— Вот это уже лучше.

Вечером температура немного снизилась после жаропонижающего, но слабость оставалась. Лера настояла, чтобы остаться на ночь. Константину она написала коротко: «Папе хуже. Останусь у него». Ответ пришёл не сразу. «Понятно». Только одно слово.

Лера долго смотрела на экран. Ей хотелось написать ещё что-нибудь: объяснить, что это не очередной каприз отца, что врач говорил о госпитализации, что она сама напугана. Но потом убрала телефон. Сейчас у неё не было сил ещё и доказывать мужу право быть рядом с больным отцом.

Ночью Николай Иванович заснул ближе к двум. Лера устроилась в кресле рядом, укрыв ноги пледом. Спать не получалось. Она то и дело смотрела на часы, проверяла дыхание отца, прислушивалась к каждому движению. Около трёх он открыл глаза.

— Ты не спишь?

— Сплю.

— Очень убедительно.

— А ты почему не спишь?

— Потому что одна женщина сидит рядом и каждые пять минут проверяет, жив ли я.

— Нервирует?

— Немного.

— Потерпи.

Он повернул голову к ней.

— Лера.

— Что?

— Если станет совсем плохо, не делай глупостей.

Она сразу поняла, о чём он говорит. В лаборатории уже несколько дней лежали результаты по новому соединению. Они повторили серию опытов, исключили часть техниче-

ских ошибок, и эффект снова подтвердился. Пока только на лабораторной модели. Пока слишком мало данных. Пока никакой речи о применении у человека быть не могло. Но Лера уже думала об этом. И, очевидно, отец это видел.

— Я ничего не собираюсь делать, — сказала она.

— Хорошо.

— Без данных.

— Ещё лучше.

— Но ты сам понимаешь, что механизм может быть связан с тем, что происходит у тебя.

Николай Иванович долго молчал.

— Теоретически.

— Не только теоретически.

— Лера.

— Мы видим подавление именно того звена воспалительной реакции, которое у тебя сейчас выходит из-под контроля.

— На модели.

— Да.

— Не на человеке.

— Да.

— Без токсикологии.

— Да.

— Без нормальной фармакокинетики.

— Я всё это знаю.

— Тогда зачем мы разговариваем?

Лера поднялась из кресла и подошла к окну. Во дворе горел один фонарь, на припаркованных машинах блестела влага.

— Потому что мне страшно.

За спиной стало тихо. Она редко говорила отцу такие вещи прямо.

— Мне тоже, — сказал он наконец.

Лера обернулась. Николай Иванович лежал, глядя в потолок.

— Думаешь, мне не страшно? — продолжил он. — Очень. Но страх плохой научный руководитель.

— А если времени на науку не останется?

Он посмотрел на неё.

— Тогда тем более нельзя превращать надежду в доказательство.

Лера подошла ближе.

— Ты бы на моём месте не думал об этом?

— Думал бы.

— Вот.

— И именно поэтому запрещал бы себе действовать.

— А если новая терапия не сработает?

— Тогда будем решать дальше.

— Что решать, если вариантов почти не останется?

Отец приподнялся на подушке.

— Послушай меня. Учёный во мне очень хочет посмотреть, что сделает это соединение в реальном организме. Даже

слишком хочет. Но отец в тебе запрещает превращать собственного отца в первый опытный образец.

— Я врач.

— Сейчас ты дочь.

— А если дочь может спасти?

— Или убить.

Эти два слова словно остановили воздух в комнате. Лера села обратно.

— Я знаю.

— Тогда больше сегодня не обсуждаем.

— Хорошо.

— Обещаешь?

Она не ответила.

— Лера.

— Обещаю ничего не делать без твоего согласия.

Николай Иванович посмотрел на неё долгим взглядом.

— Очень юридическая формулировка.

— Я училась у тебя.

— К сожалению.

Утром температура снова поднялась. На этот раз Николай Иванович не спорил, когда Лера вызвала скорую. В больницу они приехали около девяти. После осмотра и новых анализов его оставили в отделении. Лера сидела в коридоре, пока медсестра оформляла документы, и чувствовала себя странно беспомощной. Всю жизнь медицина была для неё территорией действия: можно измерить, назначить, изменить, про-

верить. Теперь она впервые остро почувствовала границу, за которой знания перестают давать ощущение контроля. Телефон завибрировал. Константин. Она ответила.

— Ну как он?

— Госпитализировали.

— Серьёзно?

В его голосе наконец прозвучала настоящая тревога.

— Да.

— Почему не написала утром?

— Всё быстро произошло.

— Ты где сейчас?

— В больнице.

— Тебе что-нибудь привезти?

Лера закрыла глаза. Простая забота неожиданно растрогала сильнее, чем должна была.

— Нет. Спасибо.

— Лер... если надо, я приеду.

— Не надо пока. Я позвоню.

— Хорошо.

Она уже хотела закончить разговор, когда Константин добавил:

— И не накручивай себя, ладно? Твой отец крепкий.

Лера посмотрела через стеклянную дверь в палату. Николай Иванович лежал под капельницей, бледный, неожиданно маленький в больничной кровати.

— Да, — сказала она. — Крепкий.

После обеда она заехала в лабораторию. Не потому, что нужно было работать, а потому, что не могла сидеть без дела. В помещении было непривычно тихо. Лера включила компьютер отца, открыла результаты последних серий и долго смотрела на графики. Новое соединение снова показывало выраженное подавление воспалительной реакции. Она увеличила таблицу, сопоставила данные с известным механизмом болезни отца и почувствовала, как внутри появляется опасная мысль. Не надежда даже. Возможность.

Она знала все причины, почему нельзя делать следующий шаг. Слишком мало данных. Непредсказуемая доза. Неизвестная токсичность. Отсутствие нормальных испытаний. Любая из этих причин сама по себе была достаточной, чтобы остановиться. Но рядом с этими причинами теперь существовал другой факт: стандартное лечение переставало работать. Лера закрыла глаза.

На секунду ей захотелось, чтобы цифры исчезли. Чтобы результат оказался ошибкой. Тогда не пришлось бы выбирать между тем, чему её учили как врача, и тем, чего она хотела как дочь. Но когда она снова посмотрела на экран, цифры остались прежними. Телефон лежал рядом. Пришло сообщение от Полины: «Как папа? Я переживаю. Если нужна помощь — скажи». Лера ответила: «В больнице. Пока наблюдают». Через минуту Полина написала: «Держись. И пожалуйста, не оставайся с этим одна». Лера перечитала сообщение дважды. Потом написала: «Спасибо». Она ещё не

знала, насколько буквально совсем скоро будет звучать эта просьба — не оставаться одной.

Вечером Николай Ивановичу стало немного лучше. Температура снизилась, но анализы не радовали. Андрей Сергеевич говорил о новой схеме лечения уже без вариантов. Лера сидела рядом с кроватью и слушала, как отец спорит с ним о дозировке. Два врача спорили о нём так, будто сам он был третьим врачом на консилиуме, а не пациентом. Когда Андрей Сергеевич вышел, Николай Иванович посмотрел на дочь.

— Не смотри так.

— Как?

— Будто уже решила нарушить все правила медицины.

— Я ничего не решила.

— Вот и хорошо.

— Пока.

Он покачал головой.

— Ты упрямая.

— Наследственное.

— Это точно.

Лера взяла его за руку. Обычно отец не любил такие жесты и быстро убирал ладонь, но сейчас не сделал этого.

— Пап.

— Что?

— Если новая схема не поможет...

— Тогда поговорим.

Она посмотрела на него.

— Правда?

Николай Иванович молчал долго.

— Поговорим, — повторил он наконец. — Только поговорим.

Этого было мало. Но вчера он вообще отказывался обсуждать эту возможность. Лера сжала его пальцы и впервые поняла, что граница, которую они оба считали неприкосновенной, уже начала двигаться.

Глава 5. Решение

Николай Иванович не позвонил утром. Лера заметила это сразу, хотя старалась убедить себя, что ничего особенного не произошло. Обычно отец присылал ей короткое сообщение ещё до восьми: либо жаловался на бессонную ночь, либо присылал фотографию очередной распечатки, либо требовал не приезжать, потому что «в лаборатории пока никто не умер». В этот день телефон молчал.

В половине девятого Лера не выдержала и набрала его сама. Гудки шли долго. Потом связь оборвалась. Она позвонила ещё раз. На третий звонок ответила соседка отца.

— Лерочка?

У Леры сразу похолодели ладони.

— Да. А где папа?

— Я у него. Не пугайся только.

Фраза «не пугайся» всегда означала, что пугаться уже поздно.

— Что случилось?

— Ему ночью стало плохо. Очень слабый. Температура опять поднялась. Я хотела вызвать скорую, он ругался.

— Он в сознании?

— Конечно. И командует всеми.

На заднем плане слышался раздражённый голос Николая Ивановича:

— Не драматизируй, Тамара Петровна.

Лера закрыла глаза на секунду. Раз он способен ругаться, значит, по крайней мере, сейчас состояние не критическое.

— Передайте ему трубку.

— Я слышу тебя, — сказал отец.

— Почему ты мне не позвонил?

— Потому что ты работаешь.

— Я врач.

— Именно поэтому тебе и надо работать, а не сидеть возле старика, который решил немного развалиться.

— Папа, хватит. Какая температура?

— Тридцать восемь и семь.

— Давление?

— Ниже обычного.

— Насколько?

Он назвал цифры. Лера уже открывала шкафчик в ординаторской, доставая пальто.

— Я еду.

— Не надо.

— Я еду.

— Лера...

— Пап, если хочешь поспорить, дождись меня. Так будет удобнее.

Она отключилась раньше, чем он успел ответить. До дома отца Лера добралась меньше чем за сорок минут. Всё это время она мысленно перебирала возможные причины ухуд-

шения: новое обострение, инфекция, реакция на заменённую схему лечения, истощение. Но одна мысль возвращалась снова и снова — та самая, от которой она пыталась отмахнуться после последнего разговора в лаборатории. Экспериментальное соединение. Она ненавидела себя уже за то, что думала о нём как о возможном решении.

Николай Иванович лежал в спальне поверх одеяла, в тёплом свитере и шерстяных носках. На тумбочке стояли градусник, вода и упаковки лекарств. Увидев дочь, он поморщился.

— Я же сказал не приезжать.

— А я сказала, что приеду.

— Дисциплина у тебя всегда была отвратительная.

— У кого училась.

Лера подошла, коснулась его лба, проверила пульс и села на край кровати.

— Дышать тяжело?

— Немного.

— Боль сильнее?

— Терпимо.

— Это не медицинский термин.

— Для пациента очень даже медицинский.

Тамара Петровна стояла в дверях и тревожно смотрела на них.

— Я суп принесла. Может, поест?

— Спасибо, — сказала Лера. — Я попробую его заста-

ВИТЬ.

— Вот. Хотя кто-то здесь разумный.

Николай Иванович закрыл глаза.

— Сговорились.

Когда соседка ушла, Лера достала из сумки стетоскоп.

— Только не начинай, — сказал отец.

— Я уже начала.

Он подчинился без дальнейших возражений. Это напугало её сильнее, чем температура. Через несколько минут Лера убрала стетоскоп и долго молчала.

— Что? — спросил он.

— Мне не нравится.

— Мне тоже.

— Нужно в больницу.

— Нет.

— Папа.

— Я не поеду.

— Почему?

— Потому что знаю, чем всё закончится. Меня положат, поменяют схему, неделю будут смотреть на анализы, потом разведут руками и выпишут с ещё одной пачкой таблеток.

— Это лучше, чем лежать дома и делать вид, что всё под контролем.

— У меня всё под контролем.

— У тебя давление падает, температура растёт, воспалительные показатели вчера были хуже, а сегодня ты едва до-

шёл до ванной. Это не называется «под контролем».

Он отвернулся к окну.

— Всё равно не поеду.

Лера посмотрела на него и почувствовала знакомое бес-
силие. Николай Иванович всегда был человеком, которого
невозможно заставить. Его можно было убедить, перехит-
рить, иногда обмануть во благо, но заставить — никогда.

— Тогда хотя бы позвоним твоему врачу.

— Звони.

Лера вышла на кухню и набрала номер лечащего врача от-
ца. Разговор занял почти пятнадцать минут. Ей подтверди-
ли то, что она и так понимала: состояние нестабильное, те-
рапия даёт всё меньший эффект, требуется оценка в стаци-
онаре. Но никаких новых решений у врача не было. Когда
Лера вернулась, отец смотрел в потолок.

— Что сказал?

— Что я и ожидала.

— Значит, ничего.

— Значит, что нужно менять подход.

Николай Иванович повернул голову.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— Я знаю, что ты хочешь сказать.

Она села в кресло напротив кровати.

— Тогда скажи сам.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это плохая идея.

— Плохая или страшная?

Он усмехнулся.

— Умная стала.

— Я серьёзно.

— И я.

Лера помолчала, потом медленно произнесла:

— У нас есть соединение с выраженным противовоспалительным эффектом. Мы повторили серию. Результаты устойчивые.

— В лабораторной модели.

— Да.

— Не на людях.

— Да.

— Токсичность до конца не изучена.

— Да.

— Дозировка для человека не рассчитана.

— Предварительно можно рассчитать.

— «Предварительно» — прекрасное слово, когда речь идёт не о твоём отце.

Она сжала пальцы.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь как врач. А как дочь ты сейчас готова поверить во что угодно, лишь бы я встал с этой кровати.

Лера отвела взгляд. Он попал точно.

— Возможно.

— Вот поэтому я и запрещаю.

— Ты не можешь мне запретить думать.

— Думай. Но не превращай меня в первый человеческий опыт.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость — не на него, а на болезнь, на стены этой квартиры, на собственную беспомощность.

— А если другого шанса не будет?

Николай Иванович молчал.

— Папа, ты сам говоришь, что новая схема может не помочь. Старые препараты почти не работают. Ты становишься слабее каждую неделю.

— Я знаю.

— Тогда почему мы должны просто ждать?

— Потому что врач обязан уметь не только действовать, но и останавливаться.

— Иногда остановиться — это тоже решение.

— Именно.

— И иногда неправильное.

Он посмотрел на неё пристально, почти строго.

— Лера, ты хочешь сделать это потому, что веришь в соединение или потому, что боишься потерять меня?

Она не ответила.

— Вот видишь.

— А если и то и другое?

— Тогда это ещё опаснее.

В комнате стало тихо. За окном шёл мелкий дождь, по стеклу медленно стекали тонкие дорожки воды. Лера смотрела на отца и вдруг ясно увидела не учёного, не пациента, не упрямого старика, который доводил её до бешенства, а просто своего папу. Человека, который водил её в школу за руку, учил завязывать галстук для выпускного вечера, сидел под дверью аудитории, когда она сдавала первый экзамен в институте. Ей стало страшно настолько, что она почти согласилась больше никогда не произносить слова «экспериментальная терапия». Но страх не отменял фактов.

— Давай так, — сказала она. — Я ничего не делаю без твоего согласия. Ничего. Но мы вместе ещё раз смотрим все данные. Токсичность, дозы, модель, механизм. И после этого ты принимаешь решение сам.

Николай Иванович закрыл глаза.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я соглашусь посмотреть данные, ты решишь, что уже почти победила.

— Я не пытаюсь тебя победить.

Он открыл глаза и тихо сказал:

— А я пытаюсь не дать тебе однажды проснуться с мыслью, что ты убила собственного отца.

Эта фраза ударила сильнее, чем она ожидала. Лера встала.

— Я сварю чай.

— Лер.

— Потом поговорим.

Она ушла на кухню, закрыла дверь и несколько секунд стояла, упершись ладонями в стол. Хотелось плакать, но слёз не было. Вместо них внутри росло тяжёлое, холодное чувство ответственности. Телефон завибрировал. Константин. «Ты сегодня вообще будешь дома?» Лера посмотрела на экран, потом написала: «У папы ухудшение. Я останусь здесь до вечера». Ответ пришёл почти сразу. «Понятно».

Одно слово. Без вопроса, без «как он?», без «нужна помощь?». Лера перечитала его несколько раз, словно в коротком сообщении мог скрываться другой смысл. Потом телефон снова завибрировал. Полина. «Ты пропала. Что случилось?» Лера ответила: «Папе хуже». Полина тут же позвонила.

— Ты где?

— У него.

— Что говорят врачи?

— Ничего хорошего.

— Хочешь, приеду?

— Нет. Спасибо.

— Лер, если что-нибудь нужно — лекарства, продукты, просто чтобы кто-то рядом был — скажи.

У Леры неожиданно защемило в глазах.

— Спасибо.

— И не оставайся одна с этим, ладно?

— Ладно.

После разговора она ещё долго держала телефон в руке. В такие моменты ей особенно трудно было представить, что в человеке, которому она доверяет без остатка, может существовать что-то, чего она не знает. К вечеру температура у Николая Ивановича немного снизилась. Он поел несколько ложек супа и даже попытался встать, но быстро вернулся в кровать.

— Видишь, — сказал он, тяжело опускаясь на подушку.

— Ещё жив.

— Не смешно.

— Немного.

Лера принесла из лаборатории ноутбук. Она не сказала за чем. Поставила его на стол и начала просматривать последние результаты. Отец наблюдал за ней минут десять.

— Ты всё-таки принесла.

— Я ничего тебе не предлагаю.

— Конечно.

— Я просто работаю.

— У меня дома.

— Мне удобно.

— Лера.

Она подняла глаза.

— Что?

— Покажи.

Она не сразу поняла.

— Что?

— Результаты.

Сердце ударило сильнее.

— Ты уверен?

— Пока только посмотреть.

Лера развернула ноутбук к нему. Они начали с первой серии. Потом второй. Николай Иванович задавал вопросы так, будто принимал доклад молодого сотрудника на кафедре. Иногда просил увеличить таблицу, иногда заставлял её объяснять каждый расчёт. Через час устал и откинулся на подушку.

— Всё? — спросила Лера.

— Пока.

— Что думаешь?

— Что эффект есть.

— И?

— И что этого недостаточно.

— Я знаю.

Он закрыл глаза.

— Но меньше всего мне нравится то, что механизм действительно подходит.

Лера молчала.

— Если бы речь шла не обо мне, — продолжил он, — я бы сказал, что гипотеза заслуживает проверки.

— А если речь о тебе?

— Тогда я говорю, что дочь должна выключить ноутбук

и дать отцу поспать.

Она подчинилась. Ночью Лера осталась у него. Уснуть не удалось. Она лежала на диване в гостиной, прислушивалась к каждому звуку из спальни и каждые двадцать минут смотрела на телефон. Около трёх часов Николай Иванович позвал её. Лера вскочила.

— Что? Болит?

— Воды дай.

Она принесла стакан. Он сделал несколько глотков и долго держал его в руках.

— Ты не спишь?

— Сплю.

— Врёшь.

— У кого училась.

Он поставил стакан на тумбочку.

— Завтра снова сдаём анализы.

— Конечно.

— И если они хуже...

Он замолчал. Лера не дышала.

— Если хуже, — повторил он, — ещё раз всё обсудим.

— Что именно?

— Не заставляй меня произносить это ночью.

Она села рядом.

— Пап.

— Я сказал: обсудим. Не «согласен». Не «делаем». Обсудим.

— Хорошо.

— И никакой самостоятельности.

— Хорошо.

— Ты обещаешь?

Лера посмотрела ему в глаза.

— Обещаю.

Он кивнул и отвернулся к стене. Утром анализы оказались хуже. Николай Иванович смотрел на распечатку долго. Потом положил её на стол, снял очки и устало потёр переносицу. Лера сидела напротив и не говорила ни слова.

— Самое неприятное в старости, — произнёс он наконец, — не то, что тело перестаёт тебя слушаться.

— А что?

— То, что дети начинают смотреть на тебя так, будто ты уже принадлежишь им.

— Я так не смотрю.

— Именно так.

Он снова надел очки.

— Покажи расчёт дозы.

Лера замерла.

— Папа...

— Я сказал — покажи.

Она открыла ноутбук. Они работали почти два часа. Николай Иванович заставил её пересчитать всё трижды. Он находил слабые места, спорил с допущениями, требовал доказательств там, где Лера надеялась на интуицию. В какой-то

момент она не выдержала.

— Ты специально пытаешься доказать, что это невозможно.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что если идея выдержит человека, который хочет её уничтожить, значит, в ней что-то есть.

Лера замолчала. Он снова посмотрел на расчёты.

— Риск серьёзный.

— Да.

— Может быть ухудшение.

— Да.

— Может не быть никакого эффекта.

— Да.

— Может быть токсическая реакция, которую мы не предусмотрели.

— Да.

— И если я скажу «нет», ты больше не вернёшься к этому разговору?

Лера медленно кивнула.

— Да.

Николай Иванович долго смотрел на неё. Потом отвёл взгляд к окну.

— Тогда я скажу не «нет».

Лера не сразу поняла смысл.

— Что?

— Я согласен.

— Папа...

— Не радуйся. Это не победа.

Она почувствовала, как у неё задрожали руки.

— Я не радуюсь.

— Хорошо. Потому что я тоже.

Он взял ручку, лежавшую рядом с распечатками.

— Всё фиксируем. Каждый показатель. Каждую дозу.

Каждую реакцию. И если хоть что-то пойдёт не так — останавливаемся.

— Да.

— Даже если тебе будет казаться, что надо продолжать.

— Да.

— Решение будет не только твоим.

— Конечно.

Николай Иванович тяжело выдохнул.

— Ну вот. Дожил. Сам себе клиническое исследование.

Лера закрыла ноутбук и впервые за всё утро позволила себе просто посмотреть на него как дочь.

— Я боюсь.

Он усмехнулся, но очень мягко.

— Наконец-то нормальная реакция.

— А ты?

— Я тоже.

Она взяла его за руку. Несколько секунд они сидели молча. Потом Николай Иванович сказал:

— Если не поможет, ты не будешь считать себя виноватой.

Лера не ответила.

— Обещай.

— Не могу.

— Тогда хотя бы попробуй.

Она сжала его пальцы.

— Хорошо.

В тот момент решение уже было принято. Именно это пугало сильнее всего. До сих пор экспериментальное соединение существовало в таблицах, пробирках и предположениях. Теперь оно должно было войти в кровь человека, которого Лера любила больше всех. Она ещё не знала, спасёт ли оно его. Но знала другое: после этой точки их жизнь уже не сможет вернуться к прежней.

Глава 6. Первый результат

Утро началось с тишины. Не той мирной тишины, в которой хочется задержаться, а плотной, напряжённой, когда каждый звук кажется слишком громким. Лера проснулась на диване в гостиной оттого, что в соседней комнате отец закашлялся, и несколько секунд не могла понять, где находится. Потом увидела на стуле свою одежду, ноутбук на журнальном столике и сразу вспомнила всё: анализы, расчёты, разговор до рассвета и его короткое, тяжёлое «я согласен». Она поднялась, стараясь не шуметь. В спальне Николай Иванович лежал с закрытыми глазами, но не спал.

— Уже контролируешь, дышу ли я? — спросил он, не открывая глаз.

— Да.

— И как?

— Пока удовлетворительно.

— Прекрасно. Можно жить дальше.

Лера не улыбнулась. Она подошла к кровати и положила ладонь ему на лоб. Температура оставалась повышенной. Кожа была сухой и горячеей.

— Сегодня ничего не делаем, пока ещё раз всё не проверим, — сказала она.

— Вчера ты говорила то же самое.

— И сегодня говорю.

— Значит, последовательность у тебя есть. Уже хорошо.

Он попытался приподняться на локтях, но быстро отказался от этой идеи. Лера увидела, как он нахмурился от боли, и внутри снова поднялся тот животный страх, который не имел ничего общего с медициной.

— Лежи.

— Командир.

— Сегодня да.

Она принесла воду. Отец сделал несколько глотков и вернул стакан.

— Лера.

— Что?

— Мы ещё можем отказаться.

Она посмотрела на него.

— Можем.

— И ты не будешь меня убеждать?

— Нет.

Николай Иванович кивнул. Несколько секунд они молчали.

— Тогда не отказываемся.

Лера сжала стакан чуть сильнее, чем нужно.

— Хорошо.

— И перестань смотреть на меня так, будто провожаешь на войну.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься.

К девяти они были в небольшой частной клинике, с которой лаборатория сотрудничала. Лера настояла, чтобы отец ехал не сам, и всю дорогу Николай Иванович ворчал на такси, пробки и собственную дочь. Его раздражение успокаивало её: пока он спорил, в нём оставалась прежняя сила.

Процедурный блок ещё не успел наполниться дневными голосами. В коридоре горели только дежурные лампы. Через стекло виднелись приборы мониторинга. Лера попросила врачей клиники оставить им максимум тишины: сегодняшний риск и без того был слишком велик. Сегодня всё было иначе. Сегодня каждое движение имело цену.

Николай Иванович сел в кресло у окна. Лера разложила перед собой распечатки. Они ещё раз прошли по результатам доклинической серии, по известным рискам, по противопоказаниям, по тому, чего не знали. Последний пункт занимал больше места, чем все остальные вместе.

— Меня больше всего раздражает этот столбец, — сказал отец, постучав пальцем по листу.

— Какой?

— «Неизвестно». Он у тебя слишком длинный.

— У любого нового соединения он длинный.

— Поэтому нормальные люди не начинают с собственного отца.

Лера подняла на него глаза.

— Мы можем остановиться.

— Ты уже третий раз это говоришь.

— И буду говорить, пока не начнём.

— Хорошо. Тогда четвёртый раз оставь на потом.

Он взял ручку и подписал согласие, которое они составили накануне вместе с врачом-консультантом. Документ не превращал риск в безопасность и не делал их решение официальным клиническим исследованием. Но для Леры важно было другое: отец понимал, на что идёт, и принимал решение сам.

Само введение договорились проводить только под наблюдением врачей клиники, с готовностью немедленно остановиться при любой опасной реакции. Это не убирало неопределённость, но хотя бы не превращало риск в домашний эксперимент. Она забрала лист и некоторое время просто смотрела на его подпись.

— Не нравится? — спросил Николай Иванович.

— Не нравится, что я вообще держу это в руках.

— Тогда представь, что это очередная бюрократия. Ты же всегда её ненавидела.

— Это не очередная бюрократия.

— Именно поэтому и шучу.

Перед началом они позвонили лечащему врачу. Разговор был коротким и жёстким. Врач снова проговорил риски и подчеркнул, что не может гарантировать результат. Лера почти рассердилась на него за эти очевидные слова, но потом поняла: он делает то же, что и она, — пытается оставить между решением и надеждой хотя бы немного трезвости. После

звонка Николай Иванович сказал:

— Ну что, доктор Ширяева?

Лера повернулась.

— Что?

— Работать будем или продолжим бояться?

Она впервые за утро улыбнулась.

— Одно другому не мешает.

Подготовка заняла почти час. Лера несколько раз перепроверила маркировку, время, состояние отца, исходные показатели. Она намеренно не доверяла себе ни в одной мелочи. Сейчас интуиция была врагом. Сейчас ей нужны были только цифры, порядок и возможность остановиться в любой момент. Когда всё было готово, Николай Иванович неожиданно протянул ей руку.

— Что? — спросила она.

— Дай руку.

Она вложила пальцы в его ладонь.

— Если не поможет, — сказал он, — это не означает, что ты ошиблась как учёный.

— Пап...

— И если станет хуже, это не означает, что ты ошиблась как дочь.

— Хватит.

— Нет. Я хочу, чтобы ты слышала до того, как всё начнётся.

Лера почувствовала, как горло сжалось.

— Я слышала.

— Хорошо.

Он отпустил её руку.

— Теперь начинай.

Первые полчаса ничего не происходило. Именно это оказалось самым тяжёлым. Лера следила за показателями, записывала время, задавала отцу одни и те же вопросы и ненавидела себя за то, что каждый ответ пыталась истолковать как признак успеха или опасности.

— Как самочувствие?

— Так же.

— Тошнота?

— Нет.

— Головокружение?

— Нет.

— Боль?

— Была и есть.

— Сильнее?

— Нет.

— Слабее?

Николай Иванович посмотрел на неё поверх очков.

— Не пытайся вытянуть из меня хороший результат за двадцать минут.

Лера выдохнула.

— Я не пытаюсь.

— Пытаешься.

— Хорошо. Пытаюсь.

— Поэтому я и нужен здесь. Чтобы мешать тебе радоваться раньше времени.

Через час температура оставалась почти прежней. Давление немного выровнялось, но Лера не позволила себе придать этому значение. Это могло быть случайностью. Могло быть реакцией на отдых. Могло вообще ничего не значить. К полудню отец устал.

— Хочу домой, — сказал он.

— Нет.

— Очень демократично.

— Ты остаёшься под наблюдением.

— Здесь?

— Здесь.

— У тебя кресло ужасное.

— Значит, выздоровеешь быстрее из принципа.

Николай Иванович прикрыл глаза.

— Вот теперь узнаю дочь.

Лера принесла ему плед. Он заснул почти сразу. Она села за соседний стол и открыла журнал наблюдений. Каждая строка казалась одновременно слишком важной и бессмысленной. Время. Температура. Давление. Пульс. Самочувствие. Жалобы. Никакой драматургии, никаких больших слов. Только аккуратные записи о человеке, которого она боялась потерять. В два часа позвонил Константин. Лера вышла в коридор.

— Да?

— Ты где?

— В клинике.

— С отцом?

— Да.

— Как он?

Она удивилась самому вопросу. После вчерашнего сухого «понятно» он прозвучал почти как извинение.

— Пока без изменений.

— Ты сегодня домой придёшь?

— Не знаю.

— Лер, у нас уже который день всё «не знаю».

— Костя, сегодня не тот день, когда я могу это обсуждать.

— А когда будет тот?

Она услышала раздражение в его голосе и одновременно — усталость. Раньше она бы начала объяснять, оправдываться, обещать. Сейчас не было сил.

— Когда папе станет лучше.

— А если не станет?

Фраза повисла между ними. Константин первым понял, что сказал.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю.

— Лера...

— Потом, ладно?

— Ладно.

Она убрала телефон и несколько секунд стояла в пустом коридоре. Ей хотелось злиться, но злость требовала энергии, а её не осталось. Когда Лера вернулась, отец уже не спал.

— Муж?

— Да.

— Ругается?

— Нет.

— Значит, ругается.

— Пап.

— Я старый, но не глухой. Ты всегда разговариваешь с ним другим голосом.

— Каким?

— Как будто всё время боишься сказать не то.

Лера нахмурилась.

— Тебе сейчас нечем заняться?

— Вот поэтому я и развлекаюсь.

Она проверила температуру.

— Тридцать восемь и один.

Николай Иванович посмотрел на неё.

— Было выше.

— Я помню.

— И?

— И ничего.

— Правильно.

Но оба уже смотрели на цифру иначе. К вечеру температура опустилась ещё немного. Боль, по словам отца, стала

«чуть менее мерзкой», что в переводе с его языка означало заметное облегчение. Давление оставалось стабильным. Лера записывала данные и запрещала себе делать выводы.

— Ты сейчас похожа на человека, которому подарили машину, но запретили посмотреть в окно, — сказал Николай Иванович.

— Я похожа на врача, который не хочет обмануться.

— Хорошо выглядишь для врача.

— Спасибо.

— А для дочери — ужасно.

Она наконец рассмеялась. Смех получился коротким, почти болезненным, но после него в комнате стало легче. Ночь они снова провели вместе. На этот раз не дома, а в небольшой комнате наблюдения при клинике. Николай Иванович ворчал, что кровать слишком узкая, а Лера вместе с дежурной медсестрой каждые два часа проверяла его состояние. Около четырёх утра отец сам разбудил её.

— Лера.

Она мгновенно села.

— Что?

— Не пугайся.

Она уже испугалась.

— Что случилось?

— Я есть хочу.

Лера несколько секунд смотрела на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.